

ВОЙНА И ПРЕКРАЩЕНИЕ НАСИЛИЯ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВЫХ ИНСТИТУТОВ

Петар Боянич,

Университет Белграда,
Белград, Сербия;
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
bojanicp@gmail.com

Получена 07.06.2023.

Поступила после рецензирования 30.07.2023.

Принята к публикации 08.08.2023.

Для цитирования: Боянич П. Война и прекращение насилия: проектирование справедливых институтов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 156–167. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_156

Аннотация

В истоках институтов зачастую лежат насилие и сила, а война является одним из таких институтов. При этом война продолжает фигурировать как один из важнейших институтов, обеспечивающих долговременное единство группы, хотя и ценой противостояния с другой, соперничающей, группой. Поэтому важную роль в прекращении насилия играет то, насколько новые институции справедливы. Именно справедливость постконфликтных институтов позволяет добиться устойчивого мира. В статье рассматриваются особенности социальных и асоциальных актов, укрепляющих или подрывающих отношения в группе или между группами и влияющих на справедливость институтов. Прекращение разрушения и насилия заканчивает период вынужденного объединения группы и открывает возможности для поиска иной общей деятельности. Ее содержание составляет суть проекта, в котором наиболее важной в плане укрепления мира деятельностью выступает изменение человека. Значимой для такого проектирования является проблема, когда и как следует прекратить войну и можно ли это сделать в желаемый момент времени. При переходе войны в мир возникают различные препятствия, которые зачастую не зависят

© Боянич П., 2023

от злой или доброй воли участников установления мира. Автор приходит к выводу, что прекращение войны всегда сталкивается с проблемой фиктивного производства главного врага, чем занимается каждая из сторон конфликта для мотивации своего населения. Этот фиктивный враг выставляется источником и причиной грядущего тотального истребления. Для установления мира необходимо развенчать данную фикцию.

Ключевые слова:

война, конфликт, постконфликтная ситуация, постконфликтный институт, справедливый институт, Другой.

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>

UDC 172.4+355.018

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_3_156

WAR AND CESSATION OF VIOLENCE: DESIGNING JUST INSTITUTIONS

Petar Bojanic,

University of Belgrade,
Belgrade, Serbia;
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
bojanicp@gmail.com

Received 07.06.2023.

Revised 30.07.2023.

Accepted 08.08.2023.

For citation: Bojanic, P. (2023). War and Cessation of Violence: Designing Just Institutions *Discourse-P*, 20(3), 156–167. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_156

Abstract

Institutions are often rooted in violence and power, and war is one of them. At the same time, war continues to be one of the most important institutions that ensure the long-term unity of a group, albeit at the cost of confrontation with another, rival group. Therefore, an important role in cessation of violence is played by how fair new institutions are. It is the justice of post-conflict institutions that makes it possible to achieve sustain-

able peace. The article considers the features of social and asocial acts that strengthen or undermine relations in a group or between groups and affect the justice of institutions. Cessation of destruction and violence ends the period of forced unification of a group and opens up opportunities for finding other common purposeful activities. The content of this activity is the essence of the project, in which the most important activity in terms of fostering peace is human change. The significant problem for this is when and how war should be stopped, and whether it can be done at the desired time. During the transition from war to peace, various obstacles arise, which often do not depend on the evil or good will of the participants in peace establishment. The author comes to the conclusion that the end of war always faces the problem of fictitious construction of the main enemy, done by each party of the conflict to motivate its population. This fictitious enemy is always presented as the source and cause of the coming total extermination. To establish peace, it is necessary to debunk this fiction.

Keywords:

war, conflict, post-conflict situation, post-conflict institution, just institution, the Other.

Funding:

the research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00851, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00851/>

Введение

Первым, кто ввел в обиход понятие «справедливый институт», был, думается, Ж.-Ж. Руссо. Периоды мира или периоды институционального установления следует связывать с определенным коллективным действием, которое можно обозначить как прекращение или завершение войны. Понятие «справедливый институт» (just institution), которое используется здесь в единственном числе, служит образцом или регулятивным принципом для множества институтов, которые должны включать элементы справедливости, чтобы мир был в принципе возможен. Справедливость является минимальным и важным атрибутом мира. С этим связано и другое понятие – «справедливая война» (just war), которая, не будучи миром, все же определенно нацелена на достижение мира (Grotius, 1925, p. 860). Мир, или минимальное условие для мира, или минимальное условие для его справедливого установления в будущем времени начинается только тогда, когда мы прекращаем войну, крайнюю степень конфликта. Речь в данном случае идет о коллективном намерении. Поскольку война представляет собой крайнюю форму коллективного насилия, эта задача не может быть выполнена в одиночку, она достигается посредством согласованного коллективного действия группы людей. Вопрос, как и когда может быть закончена война, содержит дилемму, связанную с возможностью и временем ее прекращения. Прекращение войны подразумевает существование и будет

условием справедливого института. В этом смысле, поскольку «всему свое время», есть «свое время» и для мира.

Здесь интересен, прежде всего, вопрос о прекращении враждебных действий и окончании войны. Мы утверждаем, что прекращение войны следует отличать от войны как таковой, т.е. длительности войны. На самом деле прекращение войны не относится к послевоенному периоду. Оно лишь частично может быть связано с *jus post bellum*, поскольку с окончанием войны начинается новый период. *Jus terminatio*, в терминологии Д. Родина (Rodin, 2015), разграничивает и в то же время связывает длительность войны и время после войны, а также отсылает нас к самому началу войны и ее причине (Rodin, 2011). Описать и реконструировать процесс прекращения войны и выхода из войны – *jus terminatio* и *jus ex bello* – с теоретической точки зрения можно при выполнении следующих условий: 1) существование некоторого периода, когда происходит принятие решения о прекращении войны; 2) сложность процесса прекращения войны, включающего преодоление различных трудностей и прохождение ряда процедур (мы говорим о процессе, хотя и ограниченном временными рамками, но не одномоментном); 3) наличие норм, на основании которых война может быть прекращена. Ряд авторов подробно останавливаются на этом моменте, но используют разные формулировки (Mollendorf, 2008, p. 123; Orend, 2006, p. 160; Rodin, 2008, p. 54).

Оптика анализа основана на понимании войны как института силы и насилия. Рассмотрение институций выявляет фундаментальный институциональный парадокс: институции формируют людей, в то время как люди формируют институции; однако в этой динамике проективность людей и институций позволяет подготавливать к принятию и созданию новых форм институций. Это связано также с феноменом контринституций, или сопротивления институциям. Поскольку институции часто несправедливы и даже бесчеловечны в философско-антропологическом смысле, возникают попытки их ограничить или выдвинуть альтернативу.

Не менее важен вопрос проектирования справедливых институтов. Значимой с методологической точки зрения является трактовка проекта как понятия и действия, которое связано с пониманием пространственной проекции Г. Зиммеля и анализом идеи объекта у Ж. Деррида. Проектирование предполагает некую устремленность в будущее, которое дано не только во времени, но и в пространстве. Это социальное пространство, которое создано в еще не наступившем времени. Если несколько протоколов, например, «возможность», «горизонт» и «воображение» («если бы»), в какой-то мере переплетены и связаны, чтобы показать, что основной модус темпоральности проекта – будущее, то, что еще предстоит или что должно последовать. Если будущее раскрывается в воображаемом расстоянии между планом и проектом, между двумя понятиями или словами, которые всегда трудно различить, то возможно, что эта модальность времени имеет особый статус в отношении «время – пространство». Исходя из этого, можно поставить следующий вопрос: сколько будущего содержится в пространстве, или, точнее, связано ли будущее в большей степени с пространством, чем, например, с прошлым? Индивиды создают пространство, проецируя свои взаимоотношения. Выявление концепции проекта представляет

его по-новому, не как проецирование, обращение в будущее, перенесение предмета/объекта проекта, но как обнаружение, раскрытие уже имеющегося предмета. В концепции проекта его предмет представлен как предмет сознания, уже данный, предшествующий идее проекта и действию проектирования.

Проблема перехода войны в мир

Если не существует какой-либо инстанции (или некой мессианской фигуры), способной прекратить войну, то не существует и конкретного времени, которое бы могло гарантировать мир без конфликтов и каких-либо проявлений насилия, т. е. не существует будущей перспективы мира, не запятнанного войной и насилием. По сути, здесь мы остаемся в русле учения И. Канта и принимаем за исходную точку тот факт, что сначала находимся в состоянии войны, а затем она прекращается, точнее, *jus ex bello* и *jus in bello* разделяются не произвольной хронологической границей, а практиками, которые они задают (Lazar, 2010, p. 13).

Далее речь пойдет не о мире и времени, а о войне, разбитой на отдельные временные отрезки. Такое понимание подразумевает определенное регулирование и последующую трансформацию войны в мир посредством разнообразных практик, которые используются в ее различные периоды. Сам факт, что война реконструируется во времени, т. е. разбивается на временные промежутки – период до начала, начало, разгар войны, окончание и период после, свидетельствует о том, что на протяжении веков предпринимались попытки (до сих пор недостаточно успешные) не только регулировать войну и сделать ее менее жестокой и более справедливой, но и в конечном итоге предотвратить ее, исключить саму ее возможность. Если мы умеем распознавать отдельные действия в рамках войны и регулировать их на основе этических принципов (это и называется правовым регулированием войны, ибо «право цивилизует войну»), а также устанавливать порядок их протекания во времени, то это значительно меняет основания для ведения боевых действий и помогает «обосновывать стандарты, регулирующие то, как войны начинают и ведут» (Lazar, 2010, p. 21).

Прекращение войны или переход из состояния войны в состояние мира – это не только период после войны, или *jus post bellum*, но также и начальный период перехода от войны к миру. В этот момент происходит зарождение нового института из насилия и войны, потому что прекращение войны (прекращение боевых действий) означает, что одна или несколько групп людей прекращают убивать и начинают сотрудничать, устанавливая таким образом мир. Установить мир – быть в состоянии (или, по крайней мере, попытаться) жить вместе, жить рядом, точнее, сотрудничать. Установление мира означает самоучреждение группы или различных групп. Идея И. Канта о том, что война есть данность (существует, присутствует, имманентна) и, наоборот, мир требует усилий, строительства и установления¹, указывает на коллективное усилие, необходимость общей работы и в некотором смысле общего времени.

¹ И. Кант использует производные от глагола *stiften* – «создавать», «строить», «устанавливать».

На данном этапе мы можем представить себе ситуацию, когда группа людей решает прекратить убивать и самоорганизуется, чтобы решать проблемы с использованием мирных средств. В этой связи возникает ряд предварительных трудностей. Прежде всего, несмотря на то, что мы живем в эпоху войн, которые трудно прекратить, сложно представить себе войну, которую невозможно завершить и которая длится вечно. Однако существует риск того, что даже после окончания войны мир не наступит. Можно перечислить различные проблемы, возникающие после войны. Представляется, что чем более масштабной и длительной является война за справедливую цель, тем стабильнее будет мир. Но мирное будущее или перспектива мира при этом неизбежно будут запятнаны насилием, а справедливый институт может быть скомпрометирован незавершенным окончательно насилием, насилием, не преобразованным в справедливость через новые законы или новые принципы. То же самое касается и сообщества, подчиненного неэгалитарной модели, в которой победители систематически терроризируют побежденных или новое меньшинство. Интервенция в Косово служит отличным примером успешного прекращения насилия, которое сохранило противоречия между большинством и меньшинством, а мир остался лишь на горизонте. Является ли этот мир преждевременным, несвоевременным или единственно возможным? Еще одна трудность состоит в нашей общей непоколебимой вере в то, что с помощью насилия можно положить конец неприемлемой ситуации, а затем насилие прекратится само собой и воцарится мир.

Как и когда следует прекратить войну? Как можно распознать подходящий момент для восстановления института? Когда наступает время для мира? Каковы первые препятствия на пути прекращения любой войны? Вопрос мира или прекращения войны всегда решается Другим (противником или врагом). Установление мира и пацифизм, точнее, прекращение войны, всегда сталкиваются с проблемой фиктивного производства главного врага и фикцией нашего грядущего тотального истребления этим врагом.

Возможен ли институциональный дизайн?

Как можно начать описывать институциональные протоколы, даже фрагментарно, не прибегая к строгой тематизации? Как кратко описать то, что мы обозначим как *in-statuere* – институционализацию? Каковы моменты или условия, необходимые для того, чтобы что-то могло существовать во времени и пространстве и сохранять незримую стабильность статуи? Можно ли это обозначить словом «институт»? Есть три основных протокола.

Институт (institution) – совокупность актов, факторов и фактов, которые при определенных условиях и следовании определенным правилам способны держаться вместе. Сложная и многозначная связь фигуры и фигуративного с институтом и его практиками (по Ж. Делёзу), вероятно, имеет преимущество перед другими способами обозначения чего-то, что в первую очередь держится вертикально и способно сохраняться во времени. Институт (или множество институционализирующих действий) является, прежде всего, архитектурным и искусственным созданием: он создан людьми и не имеет отношения к природе или Богу (строительство Вавилонской башни является первой сценой создания

института). Институт защищает плоды коллективной работы от разрушения и стабилизирует связи между людьми через их совместное и ангажированное действие. Порождающий и регенеративный потенциал института определяется его необходимой открытостью для новых участников и инновационных акторов. Онтологическая неполноценность и институциональный дефицит, вызванные постоянной скрытой нехваткой новых ангажированных участников и их деятельности, могут быть представлены как фиктивное социальное тело, которому всегда не хватает реальности. Существует ряд установленных характеристик и парадоксов института: институт зависит от других институтов и всегда связан с ними; институт опирается на насилие и принуждение; война является одним из первых институтов; институт имеет принудительный характер, т.к. одновременно удовлетворяет естественные потребности индивида и ограничивает его желания; институт предшествует индивидуальному и индивидам; институт языка играет решающую роль и предшествует всем другим институтам, язык – априорное условие существования института. Кроме того, сюда следует добавить проективную и документальную составляющие института и институциональной деятельности. Как проект институт гарантирует выживание группы как совокупности различных участников и элементов во времени и пространстве, а документальные и архивные протоколы подтверждают, что институт существует и стойко держится в течение длительного времени.

Ангажированность (engagement) – вид социального действия, который критически важен для образования группы или института. Действие считается ангажированным, если оно является публичным и доведенным до всеобщего сведения (в противном случае это негативное социальное действие или незаявленное социальное действие, совершенное втайне). Это действие по своей сути провокационно, ибо призывает и реализует обязательство по отношению к Другим, направлено ко всем Другим, не только членам определенной группы, побуждает присутствующих стать ближе. Брать или исполнять обязательство означает действие, которое побуждает окружающих действовать, обязывает их делать что-то в качестве членов будущего единого органа – комитета. Как отмечает М. Гилберт, «взаимно принятое обязательство связывает стороны тем, что они действуют по отношению друг к другу в соответствии с обязательствами» (Gilbert, 2013, p. 899). Однако ангажированность отличается тем, что требует высокой степени обязательности («отдать все силы», «безусловная преданность делу»), а также в некотором роде жертвы (для Других, с Другими, даже по отношению к Другим и вместо них)², которая является действием, побуждающим

² В этой жертве мы приближаемся к Другим (слово *engage* происходит от глагола *vado*, образованного от германского *wadi* и латинского *vas, vadis*, что означает «продвижение к другому») (Кемп, 1973, p. 16). Мы связаны с Другими, когда предлагаем «залог», тем самым «обременяя» или «обязывая» их отвечать на наши действия. Два слова или два протокола – франко-англо-немецкое слово *engagement* и англо-французское *commitment/commettre* – подразумевают, что мы говорим о конкретном виде обязательства (ни совершенного, ни несовершенного), которое лежит в основе формирования коллективной субъектности, ангажированной группы или института.

и Других присоединиться, повторить наше действие, выстраивая таким образом будущую совместную работу.

Контринститут (counter-institution) – отдельный институт, существующий параллельно или даже в оппозиции к действующим институтам и различным индивидуальным или групповым актам. Для него характерно производство множества критических и ангажированных действий, направленных на обновление, изменение и деконструкцию закосневших авторитарных моделей. Впервые термин «контринститут» (contre-institution) использовал А. Сен-Симон, рассуждая об Англии, где существуют «смежные» или «регулирующие» институты. Понятие «контринститут» синонимично понятиям «новый институт» или «Европа». Если старые институты связаны с закрытыми суверенными институтами суверенных государств, то Европа выступает как контринститут. Однако государство тоже может быть контринститутом, если противостоит тем институтам, которые представляют личные интересы, угрожают интересам других индивидов/групп или пренебрегают ими. Если старые институты поощряют невежество и предрассудки, свойственные тому периоду, когда они были созданы, контринституциональные практики выступают условием для появления новых правил, которые затем изменяют связи между социальными акторами. Эти практики указывают на фундаментальный парадокс института: как институты формируют людей, так и люди формируют институты; люди формируются таким образом, чтобы воспринимать и производить новые формы институтов. Следует отметить, что в современной науке понятие «контринститут» используется редко, чаще встречаются другие наименования – негосударственная организация, корпорация, общественное объединение и т. д. Однако в 1960-е гг. этот термин применялся для обозначения определенных гражданских групп, которые напоминали контргруппы, описанные Сен-Симоном применительно к Англии начала XIX в.

Операция или операции, устанавливающие отношения между определенными элементами и организующие их в некий порядок (что и описывается словом «институционализировать»), являются искусственным и архитектурным действием. Оно осуществляется группой людей, а не возникает самопроизвольно в природе или в результате действия высших сил. Протокол, который можно назвать архитектурным, отвечает за создание и сохранение определенных элементов во времени и пространстве. Нельзя создать институт без определенных архитектурных состояний и движений: идея, план, проект, платформа, диаграмма, граница, стена, прозрачность (отсутствие стен), порог, форма, основание и т. д.

Институт всегда представляет собой архитектурную конструкцию, даже если он не является материальным. Например, для создания института необходимо разработать его план и проекцию. Первым этапом может стать порог, установленный на основании и обозначающий начало чего-то совершенно нового во времени и пространстве. Порог выступает первым элементом создаваемого института, т. к. расположен в начале нового здания или конструкции, и одновременно является границей между прошлым и будущим. Философия и архитектура – это в первую очередь институциональные практики, т. е. практики, которые институционализируют все, что существует и находится в наших

руках. В институте первоначальную или основополагающую роль играет та его часть, которая возникает в самом начале, ставится на первое место, что мы и называем порогом. Конечно, если мы углубимся в детали и начнем рассматривать вопрос, имеют ли все институты порог, при каких обстоятельствах они могут его не иметь³, то придем к тому, что существует альтернативный вариант положения порога – противоположение (*counter-position*) порога. Если порог – это *primum*, начало института как такового, то судьба нового контринститута, чье появление всегда возможно, также решается на пороге.

Порог – это, прежде всего, маленькая стена, наименьшая из возможных, через которую можно перешагнуть или перепрыгнуть. Иными словами, порог требует прыжка или шага. Также порог – это текст, формула, пароль, надпись или документ. У Ф. Рабле новый институт противопоставляется епископству или аббатству, он приносит свободу, образование и помощь большой группе людей (не существует институтов, программа которых не содержала бы различные протоколы помощи). Поэтому порог должен быть «чем-то невозможно малым» или «чем-то возможным в наименьшей степени» и «ведущим нас в невозможное». Рабле, вдохновленный произведениями Ф. Колонны, в «Гаргантюа и Пантагрюэле» на десяти страницах раскрывает свою ключевую идею о том, как спроектировать и построить монастырь Телем⁴, который должен стать институтом без стен (и, следовательно, без порога и границ). Хотя Рабле придумывает определенные требования и условия для тех, кто может быть частью этого института, кто имеет право войти, и хотя имеется некая видимость входа и надвратная надпись (как в Академии Платона), институт открыт для всех. Здесь нет правил, сроков, распорядков; каждый делает, что хочет и желает, но в согласии с волей всех других индивидуальных волей. Это возможно, как считает Рабле, при отсутствии стен: «...где и сзади и спереди стены, там и застенок, и зависть, и ропот, и взаимные козни»⁵.

Нам еще только предстоит осознать и обосновать эту оду прозрачности (осуждающую ложь и лицемерие) и демократии (а также стеклу, поскольку XX столетие стало материальным архитектурным ответом Рабле). Мы по-прежнему не имеем убедительных аргументов в пользу свободной воли, прозрачного и взаимного дружеского обмена между актерами, т. е. любви; мы по-прежнему не имеем убедительных аргументов против тех правил и норм, на которые опираются наши институты.

Последний протокол проистекает не из сопротивления или антагонизма, существование которых можно было бы предположить, исходя из значения *counter* в том смысле, в котором оно используется в контринституциональном протоколе. Скорее, этот протокол представляет собой что-то новое – критику, точнее, взаимную критику, регистр провокации и демократии (Apel, 2017, p. 316).

³ Карантинная зона может быть совершенно закрытым институтом и не иметь порога; дом может быть полностью открытым и не иметь порога, особенно когда мы находимся «онлайн»; институт собственности также имеет различные пороговые модели и т. д.

⁴ Thélème от греч. *thelema* – «воля».

⁵ Rabelais, F. (1951). *Gargantua* (p. 170). Paris: Gallimard.

Институт всегда стремится к инклюзивности и порождению новых элементов, при этом элементы, которые еще не являются его частью, уже как бы присутствуют, связаны с его существованием (являются его институциональной фикцией). Здесь мы говорим обо всех возможных и невозможных элементах, т. к. каждый институт потенциально может вместить все. Именно поэтому можно утверждать, что вне института нет ничего. Эти элементы влияют друг на друга, исправляют, критикуют, взаимно дополняют. Другими словами, они изменяют формы своего взаимодействия, предвосхищая появление новых, пока еще воображаемых членов. Предварительные модели истинной институциональной практики – близость, симпатия, дружба, общность, совместное выживание. Создается впечатление, что подобный театр действий мог бы объяснить, что такое взаимная критика или каков статус критики, который упоминает Ж. Деррида, говоря о народной критике и различиях у П. Бурдьё – внутри группы, которая встречается от случая к случаю.

Итак, группа элементов (воображаемых или реальных) встречается вместе, чтобы учредить себя как группу, *consortium*⁶. Чтобы это произошло, критическая ангажированность или даже просто критика или ангажированность должны быть неотъемлемыми частями данной конструкции. Как происходит процесс критики в группе, что делает его возможным, каковы его истоки? Речь идет о рефлексии (иногда это может быть суждение, спор или невроз) по поводу всего, что каждый из нас индивидуально полагает перед Другими или самим собой. Критика подразумевает, что мы являемся частью общности – *universitas*⁷. Эта общность находится в перманентном кризисе, поскольку в любой момент может распасться. Мы как группа постоянно возобновляем и конструируем себя как общность, конструируем некую тотальность знания⁸ или множество различных протоколов истины. Критика разрушает нас, но в то же время удерживает вместе, потому что эта способность (быть критиком, критиковать, вопрошать и приводить к кризису) или этот протокол – неотъемлемый элемент всякой совместной работы и соприсутствия. Университет или консорциум создает определенные знания или полноту знаний. В то же время иногда он формирует полноту личности (человека, как сказал бы Цицерон) или группы – некий новый университет или институт или контринститут. Взаимная критика или ангажированность являются инструментом⁹, который формирует полноту личности или всесторонне развитого человека. Парадоксально, но индивид может стать таким идеальным только в том случае, если способен быть партнером или дольщиком. Это важно, поскольку сразу исключает лидерство и неравенство. Очевидно, что идеальный исследователь обычно не рассматривается в рамках таких категорий (как быть партнером, как производить действия, которые могут быть легко продолжены и развиты другими людьми). Кажется, именно поэтому

⁶ Слово *consortium* содержит латинский корень *consort, sort* – партнер-дольщик.

⁷ *Universitas* – слово, которое противопоставляется индивидуальному. Его использует пять раз Цицерон, переводя греческие слова *kath' holon* и *ho' lotés*.

⁸ *Universitas* также означает и *et universum, et totum, et omne* из трактата Плутарха «Об Осирисе и Исиде».

⁹ Понятия *instrumentum* и *institution* во многих текстах выступают как синонимы.

у нас возникают трудности с конструированием группы или новой общности: критика, которая недостаточна, неконструктивна, является ложной формой ангажированности (лицемерием), означает, что каждый работает только на себя, а не для Других или не для всех, что приводит к невозможности создания общего, совместного – *universitas*.

Заключение

Существуют определенные методы, означающие различные способы применения насилия, которые превращают один порядок в другой или что-то старое в нечто новое. Эти методы являются насилием как таковым. Предварительным условием для того, чтобы определенное совместное действие осуществлялось должным образом, выступает немедленная приостановка двух видов насильственных действий: произвольного насилия со стороны личности (индивидуальный террор и терроризм) и коллективного насилия (войны, даже оборонительные, войны за демократию, войны против террора и терроризма). Несмотря на то, что второй вид насилия считается институциональным, несмотря на то, что сама война полагается примером института, нет полной уверенности, что это действительно так. Можно приводить рациональные аргументы в пользу возможности преобразования насилия или победоносной войны в справедливость, законность, порядок или институт. Или даже настаивать на преобразовании и переходе индивидуального насилия или войны в некоторые виды совместного, одобряемого институционального действия. Но более корректным представляется понимание, что появление разнообразных институциональных актов, практик или действий (прежде всего тех, которые никогда не устраняют и институционально не пренебрегают оставшимися Другими) лучше описать как прерывание или прекращение насилия или войны.

Группа индивидов производит институциональные акты только в том случае, когда ее акторы действуют в одно и то же время в общем направлении. Они сознательно рассчитывают друг на друга (принимая во внимание принадлежность друг друга к группе и гармонию с Другими), априори учитывают всех, кто еще не является составной частью их группы или частью какой-либо другой группы. В этом смысле группа лиц, безусловно, способна успешно совершать определенные насильственные действия, но она этого не делает, приобретая статус новой сущности или учреждения (институциональный статус). Такая группа открыта и позитивно настроена по отношению к Другим. Если при этом выполняются и другие условия одобряемого совместного действия, количество так называемых негативных социальных действий или даже просто плохих (асоциальных) действий будет снижаться вплоть до их полного устранения.

References

1. Apel, K.-O. (2017). *Transzendente Reflexion und Geschichte*. Berlin: Suhrkamp Verlag.
2. Gilbert, M. (2013). Commitment. In H. LaFollette (Ed.), *The international*

encyclopedia of ethics (pp. 899–905). London: Wiley-Blackwell.

3. Grotius, H. (1925). *De Jure Belli ac Pacis*. Oxford, London: Clarendon Press.
4. Kemp, P. (1973). *Théorie de l'engagement. Vol. 1: Pathétique de l'engagement*. Paris: Éditions du Seuil.
5. Lazar, S. (2010). Endings and aftermath in the ethics of war. *CSSJ Working Papers Series*, 2–35.
6. Mollendorf, D. (2008). Jus ex bello. *The Journal of Political Philosophy*, 16(2), 123–136.
7. Orend, B. (2006). *The morality of war*. Peterborough: Broadview Press.
8. Rodin, D. (2008). Two emerging issues of jus post bellum. War termination and the liability of soldiers for crimes of aggression. In C. Stahn, & J.K. Kleffner (Eds.), *Jus post bellum: Towards a law of transition from conflict to peace* (pp. 53–91). The Hague: T.M.C. Asser Press.
9. Rodin, D. (2011). Ending war. *Ethics & International Affairs*, 25(3), 359–367. <https://doi.org/10.1017/S0892679411000177>
10. Rodin, D. (2015). The war trap: Dilemmas of jus termination. *Ethics*, 125(3), 674–695. <https://doi.org/10.1086/679559>

Информация об авторе

Петар Боянич, доктор философии (PhD), профессор, Университет Белграда, Белград, Сербия; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9324-2209>, e-mail: bojanicp@gmail.com

Information about the author

Petar Bojanic, PhD, Professor, University of Belgrade, Belgrade, Serbia; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9324-2209>, e-mail: bojanicp@gmail.com
